Д. С. Жамсуева

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВОЙ
СИСТЕМЫ БУДДИЗМА В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ
К. М. ГЕРАСИМОВОЙ**

В статье рассматриваются полевые исследования К. М. Герасимовой, анкеты, отражающие состояние религиозности населения в условиях социалистического образа жизни, которые послужили основой для монографии «Ламаизм в Бурятии» и последующих исследований.

Ключевые слова: фонд К. М. Герасимовой, полевые исследования, анкеты, структурный социологический опрос, монография.

D. S. Zhamsueva

**CERTAIN ASPECTS OF THE RELIGIOUS AND CULT SYSTEM
OF BUDDHISM IN ARCHIVE MATERIALS
OF K. M. GERASIMOVA**

The article deals with the field researches of K. M. Gerasimova, questionnaires reflecting the state of religiosity of the population in the conditions of a socialist lifestyle, which served as the basis for the monograph “Lamaism in Buryatia” and subsequent studies.

Keywords: K. M. Gerasimova’s archive fund, field research, questionnaires, structural sociological survey, monograph.

В Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (фонд 41, опись 1) хранится личный фонд доктора исторических наук Ксении Максимовны Герасимовой, состоящий из 1068 единиц хранения, сформированный в 2013 г. Документы личного происхождения К. М. Герасимовой разнообразны по своему составу и содержанию. Они отражают как жизненный путь, так и процесс ее научной деятельности. Фонд разделен на несколько подразделов: Материалы к биографии К. М. Герасимовой; Переписка; Материалы по служебной и общественной деятельности; Творческие материалы К. М. Герасимовой, которые включают: монографии, статьи, отзывы и рецензии, доклады, выступления и те-

Жамсуева Дарима Санжиевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: darisan@rambler.ru.

зисы; Музеи; Экспедиции и командировки; Материалы, собранные и использованные фондообразователем (на русском, немецком, английском, французском, монгольском, тибетском, японском, чешском, венгерском языках); Словари; Рабочие тетради, конспекты, ежедневники, блокноты и разнородный материал, содержащий карты, диаграммы, газеты, статьи из газет, фотоматериал.

Обращение к личному фонду К. М. Герасимовой обусловлено, прежде всего, большим научным интересом к наследию ученого с мировым именем. Непреходящей ценностью обладают документы, относящиеся к религиозноведческим исследованиям Ксении Максимовны. Как свидетельствуют материалы из ее архива, с 1958 г., со времен организации академического центра в республике, в востоковедных и исторических исследованиях получает развитие религиозноведческое направление. Именно с этого времени стала активно реализовываться программа «Структурный и социологический анализ исторических форм религий народов Южной Сибири (шаманизма, буддизма и ламаизма)», направленная на исследование истории религии; историографию и источниковедение; анализ структуры идеологической и культовой системы шаманизма, буддизма и ламаизма; средневековой культуры; современного состояния религиозности бурятского населения республики.

Коллектив исполнителей темы «Ламаизм в Бурятии», научным руководителем которого являлась К. М. Герасимова, состоял из следующих сотрудников: Г. Р. Галданова, Д. Б. Дашиев, Р. Н. Крапивина, Г. Н. Очирова, Т. Д. Скрынникова, Л. Ж. Ямпиллов. Вспомогательный состав лаборантов, который занимался первичной статистической обработкой анкет социологических опросов, оформлением таблиц, карт, схем, чертежей – Г. Ц. Амагаева, З. М. Цыдыпова. Непосредственными и активными участниками социологического опроса и полевых этнографических исследований были Г. Р. Галданова, Д. Б. Дашиев, Г. Н. Очирова, Л. Л. Ринчино, Р. Савельева, Т. Д. Скрынникова, Д. Ж. Жугдурова. Как мы можем судить по имеющимся материалам, социологический опрос ими проводился в условиях политизированного атеизма, когда все вопросы, связанные с религией, исчерпывались негативным определением «религиозные пережитки», а изучение реальной духовной жизни рядовых граждан, причин устойчивости традиционных бытовых обрядов являлось в некоторой степени смелым и новаторским шагом. В научных учреждениях советской Бурятии эта проблема первоначально решалась, прежде всего, в политическом аспекте. На характер проводимых опросов и обследований религиозной ситуации на местах влияло существующее отношение к месту религии в обществе в духе того периода. Для выявления закономерных изменений надстроечных функций религиозных организаций в процессе смены формаций рассматривались и изучались такие вопросы, как церковь и государство, политическая деятельность духовенства, социально-политические истоки реформаторского течения в бурятском ламаизме. В общих очерках истории Бурятской АССР, начиная с работ П. Т. Хантаева, Ф. А. Кудрявцева, коллективной двухтомной истории Бурятской АССР, двух монографий

К. М. Герасимовой 1957 и 1964 гг., не ставилась задача исторического анализа социальной функции самой религиозной системы бурятского ламаизма. Эта сложная многосторонняя проблема встала в конце 60-х гг. Изучение региональной формы ламаизма в Бурятии предполагало, в первую очередь, создание адекватной источниковой базы: выявление, изучение, полевой сбор недостающих обрядников, которыми пользовались бурятские ламы и местное население в своей культовой практике, выявление и изучение изданий бурятских дацанов, относящихся к популярному вероучению, т. е. той доктрины, которая предназначалась для народа и внедрялась в его сознание различными средствами религиозной пропаганды.

Поиску ответов, осмысления и разрешения этих проблем рядом ученых во главе с К. М. Герасимовой было приложено немало усилий. Кроме архивных и культовых письменных источников для постановки и решения темы требовалось полевое исследование бытующих религиозных обычаев бурят, проводившееся с 1962 по 1979 г. отделом зарубежного востока БКНИИ, затем сектором буддологии Института в Тункинском (ед. хр. 285, 62 л.; 301, 127 л.), Баргузинском (ед. хр. 286, 32 л.), Бичурском (ед. хр. 288, 15 л.), Закаменском (ед. хр. 290, 64 л.), Кяхтинском (ед. хр. 291, 31+23 л.; 300, 118 л.), Хоринском (ед. хр. 293, 15 л.) районах и Агинском национальном округе (ед. хр. 292, 70 л.; 297, 36+8 л.). Информация, представленная в этих источниках, свидетельствует, что материалы социологического опроса в сельских районах республики показали неоднозначную картину характера и уровня религиозности населения и распространенности тех или иных буддийских бытовых обрядов. Интенсивность современных религиозных явлений того времени во многом определялась историческими факторами: давностью и степенью внедрения буддизма в жизнь и сознание респондентов, уровнем развития дацанов и их пропагандистской деятельности в своих приходах, количеством духовенства из населения прихода в прошлом и, следовательно, наличием соответствующих «кадров» (лам) на тот период.

По данным опроса в 1973–1974 и 1975–1977 гг., как показывают материалы, содержащиеся в фонде К. М. Герасимовой, на территории приходов хоринских дацанов и Агинского национального округа наблюдалась более высокая степень сохранности буддийских обычаев и более высокий уровень религиозных знаний и начитанности в области популярной буддийской культовой литературы на монгольском языке. Специфика религиозности населения Тункинского, Баргузинского, Закаменского районов характеризовалась распространенностью различных суеверий доламаистского характера; кроме культа родовых шаманских предков бытовали разные магические обряды шаманистского характера.

На основе проведенных исследований по теме «Структурный и социологический анализ исторических форм религий народов Южной Сибири» была издана монография «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы» объемом 18,3 п. л, охватывающая хронологический период от XVIII до 70-х гг. XX в. В монографии исследована специфика регио-

нальной формы ламаизма в Бурятии, религиозная система которого приспособилась к социальным и духовным потребностям патриархально-феодалного строя бурятского общества. Это прослежено на процессах становления и развития церковной организации, приходской системы и принципов организации духовной общины бурятских дацанов, процессах ассимиляции шаманистских верований и характера бытовой обрядности. Основное внимание направлено на изучение социальной функции ламаизма по разделам популярного вероучения, его догматики и нормативной этики для народа, массовых форм пропаганды вероучения, системы бытовой шаманистской и ламаистской обрядности. Прослежены изменения во всех звеньях религиозной системы, вызванные процессом исторического развития бурятского общества. Современный период представлен анализом особенностей церковной организации ламаизма после ее восстановления в 1946 г., изменений в социально-политической ориентации духовенства. Изучены современные религиозные обычаев в таких аспектах, как изменения в структуре, содержании и характере культовых отправлений населения, характере религиозной мотивации культовой практики. Заслуживает внимания и является ценным один из основных выводов монографии: «Полевые исследования показали, что в различных районах республики нет единой картины распространенности и употребительности ламаистских обрядов. Различия обусловлены историческими факторами – неодновременностью внедрения ламаизма в различных этнических группировках бурят и неравномерностью уровня развития церковных форм ламаизма в бурятских административных ведомствах» [Ламаизм... 1983: 219]. Кроме того, необходимо отметить, что на базе вышеназванной программы сложилось направление этнографического и культурологического религиоведения, объединившего полевые исследования с текстологической разработкой тибето- и монголоязычных источников.

В области буддологии данная монография не имеет аналогий в отечественной науке по объему и системному характеру подбора источников на тибетском и монгольском языках, уровню их научного анализа, по комплексному использованию письменных, полевых и социологических материалов, полноте охвата бытовых обрядов и религиозных представлений народа. Популярное вероучение бурятского ламаизма впервые было исследовано на базе исчерпывающего привлечения сохранившихся изданий бурятских дацанов. Типологический анализ современных религиозных явлений в демографических и социально-профессиональных группах сельского населения Бурятии подробно рассмотрен в статье «Изменения в бытовой обрядности ламаизма в современных условиях» [Герасимова 2006: 71–79], где автор дает научно обоснованную характеристику современного состояния религиозности исследуемого контингента населения. В целом традиционная обрядность, как видно из статьи, поддерживалась в среде пенсионеров, животноводов, разнорабочих пожилого и среднего возраста. Активные социальные слои сельского населения до 40 лет в основном относились к безрелигиозному типу или к «неопределенникам», т. е. людям, не участвующим в обрядах, не знающим вероучения и не разделяющим религиозных идеалов в жиз-

ненных установках. Социологический опрос показал, что значительная часть опрошенных из всех демографических и социально-профессиональных групп сельского населения считала религиозные обряды национальными народными обычаями, а религиозные потребности объясняла как интерес к национальной культуре бурят. Как отмечает в своей статье К. М. Герасимова, «в целом, по всему объему социологического опроса подтверждаются общие закономерности глубокого кризиса религии, распада традиционного комплекса религиозных обычаев, в котором культовая практика соответствовала религиозным представлениям и ценностным установкам, отражавшим социальное бытие верующих бурят в прошлом» [2006: 71–72].

Несмотря на то что основные полевые и экспедиционные материалы использованы в монографиях и статьях, репрезентативность, т. е. полнота источниковой базы, поисковый материал актуальны и для современных исследователей в области истории культуры и религии для дополнения сведений о различных этапах исторического развития нашего общества. Разработанная анкета для социологического исследования может стать основой разработки новой программы и инструментарием для опроса буддистов для характеристики современных религиозных обычаев и в разработке типологии религиозности в демографических и социально-профессиональных группах населения Бурятии. Наблюдения показывают, что религиозная активность верующих имеет тенденцию к возрастанию. Строительство дацанов как в районах, так и больших населенных пунктах ведется с достаточным размахом, доходы дацанов и духовенства увеличивается, значительно выросло количество посещающих богослужения в дацанах, восстанавливаются и вновь создаются культовые места для массовых молений, на дому совершаются индивидуальные обряды и коллективные моления, и основную роль в этих явлениях играет само верующее население. Бурятские буддисты с конца 1980-х гг. в той или иной степени соприкасаются с явлениями и влияниями зарубежного буддийского мира, что, помимо практической работы среди населения, ставит определенные теоретические задачи в исследовательской работе научных учреждений.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)» № 121031000261-9.

Источники и литература

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 41 «К. М. Герасимова (1919–2011 гг.)». Оп. 1.

Герасимова К. М. Изменения в бытовой обрядности ламаизма в современных условиях / К. М. Герасимова // Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2006. – 340 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.